

На привале они задержались ещё на день. Сначала планировали двинуться в путь на следующее утро, но поблизости обнаружилось столько свежих заячьих троп, что уйти было невозможно. При свете дня стало видно, что кора на многих молодых деревцах была обглодана до самой древесины.

Охотники разошлись в разные стороны. Обнаружив норы, они не спешили начинать охоту: первым делом тщательно проверяли и перекрывали все запасные выходы. Лишь когда ловушка была готова, они поднимали шум. Обезумевшие от страха зверьки бросались к оставленным лазейкам, где и попадали прямиком в руки ловцов.

Конечно, многим удавалось проскочить, но там их уже поджидали лучники. За одно утро добыча перевалила за сотню голов.

С виду кролик кажется небольшим пушистым комом, но на деле матерые особи весили по семь-восемь цзиней. Такой улов прибавил саням немало веса.

Старина Сунь снимал шкуры, пока у него не заныли руки. Поначалу Ли Цинвэнь старался не смотреть на окровавленные тушки, но со временем привык и даже начал со знанием дела рассуждать о качестве меха.

Заметив, как мальчик любит белоснежными шкурками, старик улыбнулся:

— В этих краях лютые морозы, оттого мех у кроликов гуще и теплее любого, что я видел прежде. Жаль только, я в выделке не больно силен. Но если не побрезгуешь, по возвращении справлю тебе шапку и теплые сапоги.

Ли Цинвэнь поспешно затряс головой:

— Что вы, не стоит! Моя шапка из косули ещё совсем справная. У снежных кроликов мех такой чистый, красивый — уверен, на него найдется немало покупателей. Лучше продать их.

— Эти несколько шкурок — лишь капля в море по сравнению с тем, сколько добра мы уже везем, — добродушно возразил собеседник. — Большой выгоды с них не будет.

— Не скажите! — с жаром воскликнул Ли Цинвэнь. — Гора складывается из горстей земли, а море — из капель. Всё богатство копится по крупице. К тому же у меня уже есть и шапка, и сапоги, а две пары разом всё равно не надеть.

Один из каторжан, потрошивший тушки неподалеку, усмехнулся:

— Глядите-ка, уже экономить начал! И когда же мы наберем достаточно, по-твоему?

— Вот когда добудем столько медвежьих да тигриных шкур, тогда и заживем! — подхватил другой. — Те-то подороже заячьих будут!

— Да будь тут стая тигров или медведей, ты бы первый в штаны наложил, а не за лук схватился! — донесся чей-то хохот.

За шутками работа спорилась: не прошло и получаса, как со шкурами было покончено, и сани снова тронулись в путь.

Чтобы не столкнуться с тем самым черным медведем, который едва не покалечил их людей в прошлый раз, они взяли чуть севернее. И тут юноша заметил перемену в каторжанах. Ци Минь и остальные шли теперь быстро, уверенно. Кто-то постоянно зорко оглядывал окрестности, разговоры и смех стали сдержаннее, а в глазах появилась сосредоточенность и была армейская выправка. Видно было, что вчерашний разнос, который устроил им Цзян Липин, принес свои плоды.

Чем дальше на север они забирали, тем круче становился подъем. Снег здесь лежал глубокий, но сани, к их облегчению, скользили по нему легко. Вспоминая, как тяжело было тащить телеги в начале пути, все лишь в очередной раз убеждались, что лучшего средства передвижения для зимы не придумать.

Они продвигались вперед, охотясь на ходу и не отказывая себе в еде. На каждой стоянке все наедались до отвала, а на санях громоздилось всё больше мяса и шкур. Вскоре они наткнулись на ветхое, полузаброшенное зимовье — землянку-диинцзы. Решив сделать здесь временную базу, охотники подлатали прохудившуюся крышу сухой травой. Такое жилище оказалось куда надежнее и теплее любого шатра.

Груз на санях стал слишком тяжелым, и часть добычи решили оставить здесь. Разумеется, ценные шкуры забрали с собой, а вот добрую половину мороженого мяса сложили в землянке.

Передохнув всего полдня, они снова двинулись на север, и вскоре на горизонте начали показываться очертания деревьев.

В тот день подъем выдался особенно крутым. Опасаясь, что груженные сани не пройдут, Цзян Цун и Ли Цинвэнь отправились вперед на разведку. Снега здесь навалило в несколько футов; даже рослый мужчина проваливался в него почти по пояс. Ли Цинвэнь, обвязавшись пеньковой веревкой за пояс брата Цзян, с трудом пробирался следом.

К тому моменту, как они достигли гребня, Ли Цинвэнь весь взмок. Он поспешно вытер пот со лба рукавом, зная, что на таком морозе влага мгновенно превратится в ледяную корку.

На вершине Цзян Цун обернулся и буквально выудил увязшего в сугробе Ли Цинвэня. Юноша повалился на мягкий снег, тяжело дыша, но, едва взглянув на раскинувшийся за хребтом бескрайний лес, замер с открытым ртом.

Солнце ярко сияло над снежной пустыней. Он привык видеть заснеженные кусты и траву, но впервые созерцал деревья, с головы до ног укрытые изморозью. Сверху лес казался колоссальной колонией белых кораллов — кристально чистых, искрящихся под лучами солнца, точно сказочное видение.

Лесные дали тонули в белом тумане, уходящем за самый горизонт. Казалось, эта бесконечная чистота не принадлежит миру людей. Тот, кто шёл впереди, как и Ли Цинвэнь, застыл, пораженный этим величественным спокойствием.

Они пролежали на снегу довольно долго, пока люди внизу не заволновались.

— Ну, что там? — донесся снизу крик. — Пройдем или нет?

Цзян Цун очнулся и махнул им рукой, указывая место, где снег был не таким глубоким. Другой склон холма оказался пологим, так что спуск обещал быть легким.

Когда остальные наконец преодолели подъем и увидели это море серебряного инея, они тоже надолго лишились дара речи.

— Матушка заступница... Это ж, верно, боги здесь живут... — прошептал кто-то.

Никто не возразил. Красота этого места была слишком совершенной, пугающе чистой. Лишь когда ветер на вершине начал пробираться до костей, люди опомнились и начали спуск.

Поговорка «глаз видит, да нога не доходит» оказалась чистой правдой. Глядя с вершины, казалось, что лес совсем рядом, под ногами, но на деле им потребовалось два дня, чтобы добраться до опушки. Впрочем, воодушевление было так велико, что никто не жаловался на усталость.

Подойдя ближе и разглядев стройные белоснежные стволы, Ли Цинвэнь радостно закричал:

— Да это же березовая роща! Настоящий белоберезняк!

Остальные лишь дивились тому, какими нарядными и статными выглядели эти деревья. Услышав название, они согласно закивали:

— Белая береза? Имя ей под стать. Красивое название.

Ли Цинвэнь помнил из книг, что береза — дерево полезное, и в памяти его тут же всплыло древнее предание.

— Брат Цзян! — воодушевленно воскликнул он. — Теперь я точно знаю, какой лук и стрелы тебе нужны!

Все притихли, недоуменно переглядываясь: «При чем тут лук? Речь же шла о деревьях».

Вблизи роща казалась ещё прекраснее. Стволы, ветви и даже сухая трава под ними были покрыты тонким слоем инея, точно хрустальные цветы, распустившиеся посреди зимы. Ослепительная белизна резала глаза.

Цзян Липин восхищенно прицмокнул:

— Даже я, человек темный, вижу — красота неопишная. Такое и во сне не привидится.

Ли Цинчжо, однако, не спешил восторгаться пейзажем. Задрал голову, он пристально разглядывал какие-то наросты на стволах, похожие на грибы, и вскоре попытался взобраться на дерево, чтобы рассмотреть их получше.

Ли Цинжуй, залюбовавшийся лесом, вздрогнул от глухого удара. Обернувшись, он увидел брата, повалившегося в снег.

— Что случилось? Цел? — он бросился на помощь.

Второй брат лишь указал на дерево и снова потянулся к стволу.

— Оставь это, — вмешался Ли Маоцунь. — Лазанье по деревьям — дело моего возраста.

Младший не стал спорить:

— Только осторожнее.

— Не сомневайся, я на деревьях как дома, — уверенно заявил Ли Маоцунь. — Спроси хоть у Цинжуя.

— Дядя Цунь, постарайтесь не повредить его, — напутствовал его Ли Цинчжо.

Тот на миг замер, а затем стремительно взобрался наверх и аккуратно снял странный нарост.

Второй брат бережно принял находку, осмотрел её и уверенно произнес:

— Сомнений нет. Это белый линчжи.

При слове «линчжи» у всех мгновенно наострились уши. Охотники гурьбой кинулись к ним:

— Линчжи? Где? Покажи!

Ли Цинчжо указал на белые шляпки, усеявшие окрестные стволы:

— Да вот же они. Везде.

У людей глаза на лоб полезли. Забыв про холод, каторжане начали на ходу сбрасывать тяжелые тулупы, готовясь к восхождению. По привычке поплевав на ладони, они тут же одергивали руки, вытирая их об одежду, и с невероятным рвением лезли на деревья.

Ли Маоцюнь, только теперь осознав ценность находки, сглотнул слюну, глядя на увесистый гриб в своих руках, и тут же бросился за следующим.

В стороне от общей суматохи Ли Цинвэнь, всё ещё под впечатлением от легенд, увлеченно рассказывал Цзян Цуну историю о «Куши шину». Он расписывал, как стрелы из этой древесины крушат камни и металл, и убеждал брата, что именно такие стрелы достойны настоящего героя. Мальчик говорил с таким жаром, а глаза его сияли ярче изморози на ветвях, что Цзян Цун невольно улыбнулся, не в силах отвести взгляда.

— Брат Цзян, я обязательно найду мастера, который сделает тебе «Куши шину»! Великому лучнику — великое оружие! — Ли Цинвэнь с гордостью выпятил грудь.

Мужчина серьезно кивнул:

— Что ж, буду ждать.

Только тогда они заметили, что почти все их товарищи висят на деревьях, а на земле уже выросла гора драгоценных грибов. Ли Цинвэнь ахнул, поднял один линчжи и принялся его рассматривать:

— И впрямь, на редкость хороши.

Его дед дружил с ветераном из лесного края, и тот каждый год присылал им местные дары, среди которых был и белый линчжи. Дед обычно настаивал на нем целебное вино.

Ли Цинчжо решил, что брат просто запомнил его слова, и не догадался, что младший и сам узнал ценный гриб.

Вскоре и Цзян Цун присоединился к общему сбору. Ли Цинвэнь же занялся делом: развязал мешки на санях и задал мулу корма. На обратном пути животному придется несладко, так что сейчас его нужно было накормить досыта — сытый скот и работает лучше.

Зимой здесь темнело непривычно рано: не прошло и пары часов после полудня, как сумерки начали сгущаться. Все в приподнятом настроении принялись разбивать лагерь. Цзян Цун обошел окрестности и, не обнаружив следов крупных хищников, вернулся к костру.

Теперь о дровах можно было не беспокоиться. Сухой валежник горел жарко, пламя поднималось в человеческий рост, весело потрескивая. Он и остальные строго следили, чтобы огонь не перекинулся на живой лес.

Мороженое мясо сняли с саней, оттаяли и поставили вариться.

Ли Маоцюнь сидел у костра, точно хмельной.

«Подумать только: едва дошли до опушки — и столько линчжи! Сколько же сокровищ таится в самой чаще?» — он уже всерьез подумывал, не остаться ли здесь навсегда.

Все только и говорили, что о неожиданном богатстве, совершенно позабыв о чудесном луке, про который распинался Ли Цинвэнь. Тот лишь тихонько фыркнул про себя.

«Ничего, вот сделаю его — все локти искусаете от зависти!»

Цзян Цун, который всегда видел мальчика насквозь, протянул ему миску с горячей водой и негромко произнес:

— Одних саней нам теперь точно не хватит. Придется ладить ещё парочку, благо дерева тут вдоволь.

Ли Цинвэнь согласно закивал. Ему и самому нужно было присмотреть несколько хороших березовых заготовок, чтобы потом заказать стрелы. От этой мысли на душе у него снова стало легко и радостно.

Усталость была безмерной — всё же путь проделали немалый. Но вид этого хрустального леса, сверкающего в сумерках, и мысли о лесных сокровищах заставляли кровь быстрее бежать по жилам.

Многие из них повидали мир, знали и столичный блеск, и императорскую роскошь, но,

оказавшись в этом суровом краю, они были до глубины души потрясены его первозданной красотой. В этот миг невидимые оковы каторжного быта словно спали с них, и в голосах каждого зазвучали давно забытые нотки искренней, светлой радости.

<http://bllate.org/book/15828/1438932>